

ЕЛЕНА РУНИ

ТАВЕРНА «EL САРТАН» И ЇЕ ОБИТАТЕЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Руни
Таверна «El Capitan»
и ее обитатели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45277975

SelfPub; 2019

Аннотация

Что получается, когда пиратский бар в Испании открывает русскоязычный журналист? Получается не только семейная таверна, но и веселая книга рассказов. Здесь зарисовки из испанской жизни, испанской кухни и описание некоторых местных жителей. Узнаете, какие подводные камни ожидают вас при открытии своего дела, как живут в этой стране иностранцы, "наши люди" и местные жители. Наблюдения автора, психолога и тележурналиста в прошлой, доэмигрантской, жизни написаны лёгким живым языком, с юмором, отличным знанием темы и проникнуты оптимизмом и любовью к Испании и всем обитателям Таверны Эль Капитан. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ. Таверна Эль Капитан	4
Его звали Антонио	10
Вовчик под магазином	17
Омम्म... и фрикасе из кролика	29
Как потерять богатую клиентку . Быль	34
Испанцы и соленая рыба	37
Мой маньяк	41
Рюмочка	47
Дидель в Эль Капитане	51
Судак – орли. (Мемуарное)	62
Капурчик и дядя Миша	72
Шутки дедушки Антонио	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

ВСТУПЛЕНИЕ.

Таверна Эль Капитан

Когда психолог, последние годы работы совмещающий прием пациентов с тележурналистикой, объединяется вначале с японским лингвистом, закончившим магистратуру по современному искусствоведению, потом с менеджером среднего звена, последние годы квалифицирующимся по испанской кухне вообще и по видам паэльи в частности, это уже необычно и занимательно. А если в эту команду добавить еще оптимистичного подростка, обожающего возиться с животными и мечтающим о карьере ветеринара, как вы думаете, чем они могут заниматься вместе, особенно, если учесть, что все они – семья?

Причем, достаточно доброжелательная и дружная.

Конечно, они будут открывать бар! Какие сомнения?

Когда русско-испанская семья в Испании не знает, как заработать на жизнь, она обязательно открывает бар. Тем более, поваром-аросеро, мастером риса, был глава семьи, мой муж Пепе.

Наши со старшей дочерью русские и украинские дипломы психолога и востоковеда не очень годились для испанского бизнеса, но было желание сочинять, рисковать, творить и кашеварить. А младшая дочь была готова присоединиться к

любой авантюре, которая связана с едой.

Да. Наша любовь к еде...

Нет, не так. Наша страсть к еде достойна быть воспета как минимум Лопе де Вега, никак не меньше, и не только в сонетах, но и в пьесах, чувственных, горячих, искренних и трогательных.

Если учесть, что тысячи полторы его пьес не дошли до наших дней, то совершенно не исключаю вариант, что где-то там среди них непременно могла быть провидческая история об одной любящей испано-русской семье, которая в 21 веке решила взять и открыть ресторан в Валенсии.

Если учесть, что в нашей стране моя семья (начиная от бабушек-дедушек) всегда была щедрой, хлебосольна, отличалась быстрой кулинарной обучаемостью и многочисленными праздниками с гостями, полными столами, тортами и пирогами, конкурсами, подарками и узелками на дорожку, то мысль не была столь уже нелепа, как может показаться на первый взгляд.

Взяв кредит в банке и преисполнившись самыми благими намерениями (прошло время, и меня уже не бросает в дрожь от этого словосочетания), мы арендовали небольшой бар и назвали его таверной Эль Капитан.

Почему таверна? Ориентируясь на простой и очень небогатый район, мы выбрали деревенский стиль, глиняную посуду и добротную домашнюю еду. Испанскую, конечно, в ос-

новном. Вначале.

Ориентируясь на жителей района и на привычки испанцев часто обедать и ужинать в барах. Потом, конечно, добавились наши блюда из многонациональной и такой любимой кухни СССР. Как для постоянных русскоязычных клиентов, так и для испанцев, которые оказались гурманами, не упускающими возможность отведать что-то экзотическое...

Почему Эль Капитан? Благодаря моей семейной легенде, которая рассказывала, что прапра...дед наш по маминой линии пришел на Дон в казаки из царева-государева Российского войска, как правдолюбец и бунтовщик, не поладивший с самой Екатериной Второй.

А в станице потом говорили, что он вообще еще раньше приплыл на корабле к русскому царю служить верой и правдой из самой Америки, где когда-то давно тоже жили русские люди.

Были они, прапра.. деды наши громадны, черноволосы и бородаты. И казаки из них знатные получились. И казачки.

Тут как раз гуляли фильмы и легенды о Капитане Черная Борода.

Ого! История легла на душу. Вспомнился принцип Бритвы Оккама. «Самое простое объяснение скорее всего и есть правильное».

Да. Капитан Черная Борода совершенно спокойно мог быть нашим предком.

Потому что моя семейная история старше легенд-новоделов.

Значит, решено. Не будем усложнять. Думаю, было много пиратов по прозвищу Черная борода. Один из них точно наш..

Но об этом мы поговорим позже, как и о жизни в Испании, о наших людях за границей, о том, как выйти замуж за испанца и о многочисленных странных, увлекательных и мистических событиях в нашей домашней таверне.

Эта же книга познакомит вас с нашими клиентами постоянными или случайными, друзьями или недругами, с нашими наблюдениями о ресторанном бизнесе и особенностях испанского национального характера.

Здесь будут некоторые, особо впечатлившие, рецепты, праздники, немного соотечественников и много любви. К своему делу, к Испании, к людям, к нашей таверне.

Веселые и грустные жизненные зарисовки, наброски характеров и запоминающихся событий...

Заметки на салфетке, написанные в перерывах между потоками клиентов, во время непогоды и непонятных простоев, а иногда поздно ночью после работы, когда устала зверски, но не можешь спать, а можешь записать события или мысли дня.

Тогда вперед, не абордаж, то есть в таверну Эль Капитан, где работали Мама Лена – боцманом, папа Пепе – корабельным кокком, дочери Сандра и Даня, конечно, юнгами.

А где же был, собственно говоря, сам капитан Черная Борода? Где и полагается. Рядом с нами. Но незримо.

Мы поставили ему в таверне стол с картами путешествий и настоящими пиратскими кодексами и правилами, книги по навигации, на спинку стула повесили камзол и шляпу с перьями. Рядом со столом поставили сундук с «золотыми» монетами, на стены повесили немногие сохранившиеся портреты бородатых наших предков в старинной одежде и картины с морскими сражениями.

И всем стали говорить, что капитан только что вышел. Вот его стол, вот его камзол, вот чашка грога или бокал рома на столе...

Он скоро подойдет. Но просил его не ждать.
Начинаем пока без него!.

Taberna
El Capitan

Его звали Антонио

Не знаю, как для вас, а для меня это имя должно быть дополнено кудрями до плеч, влажными черными глазами, гитарой или лютней, на худой конец (в хорошем смысле этого слова), типа как у Лютниста Караваджо.

Неважно, что по приезду в Третьяковку картина именовалась Лютнистка. Несомненные женские черты присутствовали, да.

Томный вид, неременная музыка и игра света и теней. Это потом уже выяснили, что Микеланджело Караваджо позировал его милый друг, юнец по имени Марио, кажется... Так что женственные черты лютниста имели под собой некий логичный фундамент – оправдание, которое, может, не всех устраивало с точки зрения морали, но способствовало пониманию.

Знавала я мужчин и в наше время с не менее женственными чертами лица и характера, с бабской самовлюбленной стервозностью и капризами, Лютня или гитара прилагались по умолчанию.

Но не всех их звали Антонио, конечно. Никого, к сожалению, если честно. Поэтому для меня это имя с детства было связано с такими красотами, как свечи, романтика, музыка, гармония цвета и форм. Антонио Страдивари. Антонио Вивальди. Антонио Гауди...

"Условимся давайте, давайте, давайте,

Условимся друг друга любить, что было сил..."

А еще это имя в «Антонии и Клеопатре» Шекспира. Трагедия. Без лютни, но как бы с кудрями и свечами все же. Любовь, измена, отчаяние.

Был еще один Антонио, герцог из "Бури", того же автора. Роковые страсти, предательство, мужество, власть, путешествия...

В крайнем случае, к такому имени надо по умолчанию добавить тайну, сокровища, остров, любовь...

– Хуан Антонио Бардем! – я помнила это волшебное имя из моего бедного на красивые фильмы детства, когда по телевизору показывали прорвавшийся туда незнамо как сериал "Таинственный остров" про капитана Немо. И каждый день это имя ... Хуан Антонио Бардем!

(Я не знала, что это знаменитый испанский режиссер, но догадывалась, что к киноиндустрии он отношение имеет, на таинственном острове был, с Немо знаком лично. Не имя-пестня! Много счастливых вечеров подряд!)

Но этот Антонио из Валенсии - он был без музыки, форм и романтики. Без сокровищ, фильмов и песен, без путешествий и тайн. Как казалось на первый взгляд...

Впервые он пришел к нам в ресторан, когда мы еще не открылись. Чтобы познакомиться.

Надо сказать, что когда мы делали ремонт во взятом в аренду помещении, мы опустили железные ворота-жалюзи

на входе на пару метров, оставив полтора метра открытыми, для свежего воздуха.

Побелка, покраска, помойка, пошивка, поклейка и поломка – наши ежедневные занятия в течение первых месяцев.

Никто не тревожит, не заходит: жалюзи прикрыты, ежу понятно, что предприятие не работает.

Но Антонио не еж. Он живет в своем странном мире, и на его планете нет таких условностей, как такт, воспитание или чувство неловкости...

Он вошел первый раз, согнувшись, постукивая палкой, поправляя скособоченную соломенную шляпу, поломанную в трех местах, с двумя прорехами на полях и держащуюся на подбородке с помощью резинки от трусов.

Брюки, в которых, наверное, женился его отец, а до этого умер его дед, были подтянуты до подмышек и подвязаны бечевкой.

Рубаху, потерявшую цвет, думаю, незадолго до рождения моей старшей дочери, все же нельзя было назвать грязной. Она (если она была одна, а не 365 одинаково вылинявших и истлевших, которые мы после имели счастье лицезреть каждый день) всегда была чистой и ничем не пахла.

Лицо у нашего гостя морщинистое, смуглое, глаза маленькие и хитрые до невозможности.

Подошел, сел на заляпанный краской стул.

– А мне 90 лет исполнилось, – начал он.

– А когда вы откроетесь ?

- А какая у вас кухня будет?
- А мне про вас сын рассказал.
- А это кто?
- А это что?
- А это вот вы где купили?
- А вы курите?

Когда он набрал воздух в легкие, чтобы не умереть от удушья, мы ответили, сколько успели, до очередной порции вопросов.

Остальные 20 минут монолога были абсолютно нечленораздельны и потому остались без ответа...

Удовлетворив чувство коммуникативного голода, старик уполз опять под жалюзи. Уже на улицу.

Он не назвался тогда. И неподходящее для него имя Антонио еще не прозвучало. Надо сказать, что, не желая общаться со странным сеньором, мы каждый день опускали жалюзи все ниже и ниже, но 90-летний испанец уже не входил, а вползал в помещение, кажется, испытывая чувство все большей и большей радости от возможности преодолевать препятствия.

Такая жизнерадостная оптимистичная гусеница в соломенной шляпе. Мне б его здоровье!

– Как будем звать дедушку? – спросили дочери после третьего или пятого явления старца.

Мы раньше имели дело с его сыном, оформляли ряд документов. Сына звали Иисус. Такое простое испанское имя.

Как же могли звать отца Иисуса? Плотник Иосиф! Не меньше. И дедушка стал у нас Плотником.

Вначале мы думали, что он хочет есть. Спросили. Нет, не хотел. Может, пить? Может, он пьяница? Когда завезли вино и пиво, предложили угоститься. Иосиф-плотник оказался трезвенником, как и подобало отцу Иисуса.

Проходило время. Каждый день "плотник" вползал в ресторан, пока мы не открылись. Выдать очередной монолог, лицезреть работу и уйти, сказав "до скорого" – задача -минимум. .

После, когда начали работать, стал просто заходить во время обеда по-свойски. Надолго. В своей депрессивной шляпе, чаплинских брючатах, в разбитых шлепках на босу ногу. Первые пару месяцев получал еду в подарок, брал с достоинством, важно ворча, что паэлью он любит, но врачи советовали ему есть меньше риса, что салаты он ест, но резать надо помельче, а то у него зубов нет уже давно и, видимо, навсегда (на минуточку, шикарные протезы как бы пытались опровергнуть его жалобы, но ему таки виднее).

Мясо лучше – в виде фрикаделек, грибы он вполне уважает, но с мясом они вкуснее, жирное не любит, хлеб у него и дома есть...

Наш повар в конце концов возмутился и сказал :

– Антонио (вот тогда я и узнала, что он не Иосиф. А ведь все уже так привыкли!)

– Антонио, ты знаешь, что хозяин ресторана берет с нас

большую аренду?

– Да, – засмеялся плотник.

– Он может уменьшить сумму, как ты думаешь?

Антонио сел на стул, захлопал в ладоши и застучал палкой по каменному полу:

– Думаю, нет.

– Тогда, может быть, будет справедливо, если ты будешь платить каждый раз за свою порцию, как платят клиенты?

Антонио попытался дотянуться своей палкой до попы проходившей девушки, чтобы слегка приподнять край ее платья, но наткнулся взглядом на взгляд повара и смешался.

– Конечно, я могу и платить.

– Вот и договорились!.

С тех пор Антонио каждый день приходит с розовым судочком, который мы ему купили, требует полторы порции вместо одной, так как объясняет, что еды должно ему хватить на обед и ужин (платит за одну порцию, но мы к нему, жадине, уже привыкли), очень заглядывается на молоденьких девушек, обедающих у нас и стучит палкой.

Иногда, когда ему кажется, что никто его не видит, он все же дотрагивается палкой до чьей-то ножки или попки, получает по первое число, а иногда и по рукам или по шляпе, но в основном, морально. Испанки просто орут и отпускают. Так как стариков здесь не бьют.

Когда наступила осень, шлепки сменились на войлочные старые тапки.

Когда умер один из его сыновей, болевший раком, Антонио пришел в костюме. Очень старом, естественно, но чистом и наглаженном (или немнущемся). Немного плакал. Жаловался на другого сына. Хвалился третьим... Через день опять шалил палкой и хлопал в ладоши, когда хотел привлечь к себе внимание.

Я не знаю, кто ему стирает и гладит. Наверное, сам, так как экономный очень. Шляпа и брюки не меняются. Моя дочь предложила сходить на рынок и купить ему что-то недорогое, но новое. Думаем, к Рождеству справим ему брюки, возможно, с рубашкой.

Соседи сказали, Антонио хвалился, что подсчитал, сколько ему стоит еда из ресторана по сравнению с покупной из магазина. У нас дешевле выходит. Он рад очень.

Вечером часто гуляет мимо нашей террасы, останавливается, здоровается по новой, что-то рассказывает длинное и непонятное, иногда сидит за столиком, глазееет на девушек.

Хоть убей, ничего не меняется. Здоровье хорошее. Планирует дожить до 100 как минимум. Хотя, на исключаю, что и нас переживет.

Что еще о нем сказать?

Недавно добавил внуку две тысячи евро на мотоцикл. В подарок. Плакал от жадности и хвалился.

А, еще: Антонио и есть хозяин нашего ресторана .

Вовчик под магазином

Сегодня, как обычно, забегаю с утра в продовольственный магазин. Со списком срочнонемедленнонеобходимого.

Лежащий под входной дверью краснолицый побирушка вдруг буркнул под нос по-русски:

– Не, нормально? Могла бы и поздороваться. Совсем, что ли?

Уже забежав в магазин, торможу со скрипом и застываю столбиком. На минуточку, это Испания. И я в этот магазин хожу часто. Никто никогда здесь не разговаривал по-русски. Ни с кем из русских здесь не знакомилась. Кажется. Выхожу. Смотрю внимательно. .

Включается автоматическая система наведения и опознавания объекта. Как у Терминатора.

Камера скользит по полусонному и явно уже пьяному с утра лицу с бледно-голубыми выцвевшими глазами, по рыжим невымытым волосам, худощавой фигуре в грязных джинсах и желтовато-бурой футболке.

Писк. Опознавания объекта завершено!

5 дней назад этот «товарисч» заходил в нашу таверну. В туалет. Хоть испанцы и не приветствуют бесплатные туалеты (здесь признаком хорошего воспитания считается привычка что-то купить в заведении, куда идешь "по срочным делам"). Чашку кофе, чай, мороженое, пиво, воду. Неписанный закон.

Но мужчинка этот был бомжеватого вида, говорил с жутким акцентом, и было понятно, что промедление смерти подобно. А чай или кофе он просто не пил не по вине нелюбви к оным, а скорее всего, потому, что лет 10-15 назад слова, их обозначающие, были удалены из лексикона путем замещения алкоголем. Плюс, наверняка, имело место быть некоторое косноязычие, каковое следовало из его вчерашнего общения с мужем:

– Мучас грасиас, сеньор. Сой Владимир. Я Владимир. Украиняно. Ту эспаньоль? А донде, где руманос, румыны где? Аки, тут, раньше румыны. Где?

Муж спокойно и привычно (я говорю по-испански лишь не намного лучше этого посетителя) отвечает:

– Переехали.

Он:

– А у вас тут кто-то говорит по-русски. Аблар русо? Аки. Здесь. Си? Да?

Муж:

– Си. Иха (дочь). Но эста (отсутствует)

(Я сидела рядом, журнал заполняла, молча. Меня нет).

Мужчинка вышел и был нами тут же забыт.

Вот теперь он лежит на улице под дверью магазина. И возмущается тем, что я с ним не здороваюсь. Бред. На распознавание и воспоминание ушло секунды полторы.

Я делаю шаг к нему, улыбаясь, и говорю мягким вкрадчивым голосом пожилой учительницы, которая застучала

взрослого уже ученика, по привычке испуганно прячущего сигарету в кулак на встрече выпускников: «Ачтовытутдела-етеИванов?зачеркнуто)».

- Доброе утро, Вова! Как Ваше здоровье?

Есть у нас такое странное слово "осклабился». Вот он это как раз и сделал, затоптал мысленный бычок, расправил рубашку и лег по стойке смирно.

- Привет. Вот. Я. Здорово! Тут. Как. Ты.

- На работе, Вова?

- Это. Да. Ну.

- Вова, извини, я не могу помочь тебе деньгами. Но ты можешь прийти с 17 часов в Эль Капитан, я тебя покормлю и могу дать еды с собой. Ты понял?

- Гы. Ну. Дык.

Я развернулась и ушла по своим делам. Вовчик остался работать, лежа под дверью, и надо сказать, не безуспешно. Испанцы жалеют нищих.

Я еще бегала в две фруктовые лавки, в фотосалон, в китайский за мелочевкой, опять в продовольственный, в перерывах жарила блины, карамелизовала яблоки для торта Татин, убирала, мыла... Проходя мимо, замечала, что поза "работника" не менялась.

Было в этом что-то вечное, незыблемое, размеренное и ежедневное. Как восход солнца, например.

В 18.00 в ресторан зашел уже полумертвый от обмывания заработанного Вовчик.

– Привет! А ты волосы покрасила. И подстригла. Тебе хорошо.

Я цепенею. Реально, изменила цвет и прическу. Две недели назад... За мной следили? В мыслях каша из цитат. "Волodyка, зачем ты сбрил усы? Вы знаете, зачем он сбрил усы?" "Я маньяк. Я за тобой слежу. Хреново ты за мной следишь, маньяк. Ты меня вот запустил совсем даже".

– И ты еще поправилась.

Блин. Сама знаю... Но уже давно...

– Спасибо, Вова, за твое внимание. Да, я покрасила волосы и поправилась. Ты хочешь есть? Или тебе с собой положить

– Спасибо, не нужно. Ты сказала, что с пяти, а мне уже с четырех дали много. (В этой фразе, помимо всего прочего, присутствовали 5 букв "х", 5 букв "у" и 5 же букв "й").

Машет судочками и пакетами.

– Вова, это ты ругаешься?

– Нет, я так разговариваю. – он смущается и ковыряет ногой каменный пол. – Я есть не хочу. Я коньяк хочу.

– Извини, я только едой могу угостить.

– Да нет, я куплю.

Пьет коньяк, смакует. Любуется мной.

– Мне тебя не видно там, за барной стойкой. Бокалы загораживают...

Звяк-звяк!

– Нет, пожалуйста, не трогай бокалы!

Изворачиваюсь, полуприсев и облокотившись на стойку бара в позе Аллы Борисовны времен третьей юности, когда в мыслях был "настоящий полковник», а не мальчик Максимушка...

Пауза затянулась. Пионер должен быть вежливым .

– Вова, ты здесь давно?

– ?

– В Испании.

– ?

– В Валенсии.

– Ты что? Я тебе это уже рассказывал.

Я опять потерялась во времени и решила разораться, потому что его странные замечания ввергали меня в ступор. А я очень не люблю это состояние. Когда я что-то или кого-то не понимаю.

Я нервничаю. Муж знает, что это такое, и может, поэтому у нас в семье идеальные простые и понятные отношения.

– Ты меня реально с кем-то спутал. Я с тобой сегодня говорю первый раз в жизни.

– Да? Но вы так похожи! Я так скучал по тебе. И ты не Таня?

...Привет, дорогая Таня, похожая на меня, только худее и с другой прической. Этот бомж Вовка реально по тебе скучает и даже все время смотрит на меня через пузатые прозрачные бокалы, которые тем более меня не стройнят...

– Хорошо, что выяснили. Я точно не Таня. Ты здесь сколь-

ко времени? – Улыбаюсь.

Разговор начал клеиться. Выгнать я его не могу. Нам пора закрываться на сиесту и пару часов отдохнуть. А потом быть тут до полуночи. Ужины на сегодня не заказали, но мы будем ждать, кто придет. Если придет.

Как оказалось через пару-тройку недель после открытия, жители нашего района ужинают дома. Если б мы знали это раньше! Исключение – праздники, дни рождения и другие памятные события.

Мы год сидели в ресторане с 7 утра до 23 ночи, но реально продавались только обеды. Когда приходили местные гурманы и рядом работающие предприниматели.

Остальные же, в основном рабочие в гаражах и местные небогатые испанцы, на работе перекусывали бутербродами или шли в китайские кафешки, готовящие псевдоиспанскую еду. И ели там, потому что выходило чуть дешевле.

Испанцы экономны, и между качеством и ценой многие выбирали цену. Хотя соглашались, что наша еда вкусная. Но в Валенсии средняя зарплата может быть от восьмисот до тысячи двухсот евро. Полторы уже за счастье. Каждый день в кафе не находишься (Мадрид-Барселона зарабатывают больше. А здесь в Валенсии с работой совсем плохо. Зона не промышленная).

Да, о Вовке. Думаю, поболтает и уйдет. Гнать как-то некрасиво...

Переменяя нужные и ненужные слова, Вовик объяснил,

что в Испании живет 15 лет. До этого – Польша и Германия. В Польше воровал в магазинах. Сбежал без документов. Прижился в Валенсии. Тепло. Удобно. Подают нормально. Еды вдоволь.

Оно мне надо было спрашивать? Привычка. Двадцать лет работы психологом..

– Твоя мама жива? (Ему лет 35-45, не определить.)

– Двенадцать лет назад была жива. Она работала на почте, и я ей звонил иногда. (Сразу представила маленькое украинское село без домашних телефонов и местный почтамп). А потом она на пенсию вышла. Звонить стало некуда. Уже 12 лет не звоню. ..

(«Зачем он спросил? Зачем я ответил?»)

– Ты кто по профессии?

– Дык. Так. Ну. Я ж. У магазина. Ты ж. Видела. (8 букв Х, 8 букв У, 8 букв Й)...

– Не ругайся, пожалуйста. У меня здесь ребенок. Даня. Она помогает.

Он зажимает рот руками. Мычит.

– Твоя прежняя профессия? У тебя есть профессия?

Наверное, его давно об этом никто не спрашивал.

Он вдруг захлеб начинает рассказывать, что он столяр-краснодеревщик. И у него 4 разряд. Но мастер был скот. А маме надо было помогать. А соседка денег попросила. А он рррраз! И дал. А мастер. А мама. И все. И первый разряд. И Польша. И все.

Реально все. Остальные слов пятьдесят еще – из все тех же трех букв. Говорил, махая руками, подпрыгивая, морща испитое лицо, щурясь и зажимая себе рот при бранных словах.

– Извини, я уже не могу без мата.

– Вова, пожалуйста. Ты же серьезный человек! Ребенок может услышать! Что она о тебе подумает!

Такая интонации у меня была, когда я объясняла Вошке Афанасьеву, шестнадцатилетнему двоечнику и второгоднику, почему меня, тринадцатилетнюю его одноклассницу, нельзя дергать, как других, за косы и хлопать по спине, ища застежку от лифчика.

– Понимаешь, Вова, – говорила я 40 лет назад, – ты же здесь самый красивый и умный. Я тебе доверяю. И ты очень благородный и воспитанный. Я-то знаю! Пожалуйста, Вова, не надо это делать!

И я была единственной девочкой в классе, над которой этот парень, похожий на взлохмаченного Волка из "Ну, погоди», не издевался и рядом с которой не пошлил сам и не давал пошлить другим.

...Бал в доме на Мойке, елка, шары, музыка, гимназисты с тощими шеями, неуклюжие и хорохорящиеся... Гимназистки в длинных платьях. Танец. Разговор. Фи, Вольдемар! Какой моветон! Извольте...

Дежавю. И сейчас рядом бомж Вова матерно рассказывает за свою жизнь...И я говорю "пожалуйста". И он краснеет и смущается... Перебирает ногами, топчется на месте, посту-

кивает ладонями по барной стойке, одергивает футболку.

Оно мне надо? Зачем спрашиваю? Привычка скорее, чем необходимость. Привычка уже несколько лет не практикующего психолога. Понять.

– Ты краснодеревщик? Хочешь по специальности работать? Ищешь работу?

Дурацкая привычка равнять всех по себе. Нахрена ему та работа?

– Я не могу работать! У меня нога оперирована. На штырях, хожу плохо. А больше бесплатно лечить врачи испанские не хотят.

– А ты домой не хочешь? В Украину.

Вовчик смеется.

– Мне и тут неплохо. Да и документов у меня нет вообще никаких. А еще: что я там делать буду, я ж уехал отсюда 20 лет назад.

Потом смотрит на меня, задумывается и говорит грустно:

– Как же вы все-таки похожи! Только вот кольцо у тебя... замужем, да?

– Замужем. (Блин. Худая Таня, у тебя что, был роман с Вовиком? Зачем ты его начинала? Что ж ты его бросила? Или он всегда пил, врал и воровал? Дрался, наверное, по пьяни, да?)

В СССР на примере хороших фильмов, с помощью хороших актеров, советских женщин учили любить, терпеть и перевоспитывать алкоголиков, учили видеть в них личность,

человека, друга, любимого...

Поколение наших мам верило «неподдающимся». И это многим разбило жизнь. Тщетно перевоспитывать и развивать.

Один вариант из тысячи положительный и 999 несчастных.

Мой возраст уже был позубастее, и уже не каждая моя сверстница искала в алкоголике и лжеце личность и индивидуальность.

Намаявшись и разуверившись, многие поразводились. Но «Влюблен по собственному желанию» и иже с ними оказали огромное влияние на самых жалостливых. Или романтичных.

А молодежь, наверное, умная. Умнее нас.

Сразу таких, как Вовчик, из жизни выбрасывают.

– Постой еще со мной! Поговори.

– Извини, Вова, работа. Не хочешь еды – иди с богом. Удачи тебе.

– А вы во сколько закрываете?

– Когда как. С 22 до 00.

– А, я ночью тогда в китайский бар приду. Телевизор посмотреть. Они до часу ночи.

– Бывай, Вова.

Многие мои проблемы по сравнению с такой жизнью яйца выеденного не стоят..

Как беспокойно мы живем...

Как нервно. Как хорошо...

Омммм... и фрикасе из кролика

Часть моей нелегкой ресторанной жизни проходит в магазинах. Причем, обычно в мясных и рыбных отделах. Потому что именно мне приходится бегать по закупкам, если наши поставщики опаздывают, не имеют необходимого, или у нас есть заказ на новое блюдо, не запланированное ранее.

Но именно в мясном отделе магазина всегда огромные очереди, потому что одинокие пожилые испанцы и испанки там восполняют нехватку общения, эмоций, эмпатии.

Омммм... Надо знать какую-нибудь успокаивающую мантру. И петь ее, живя и работая здесь. Иначе не выжить. Я, когда ездила с маленькой, недавно тогда заболевшей диабетом Данькой на фестиваль кришнаитов в Крым, видела, как все поют Харе Кришна и радуются, и это, оказывается, очень улучшает жизнь и не дает хмуриться, люди реально делаются спокойными, терпеливыми и доброжелательными.

Я, конечно, могла бы уже и сама выучить что-то такое же вечное и проникновенное, но я выучила только ом-ма-не-падме-хум.

Да и вообще только омм тоже нормально. Запоминается и исполняется быстро и философски. И успокаивает очень. За неимением лучшего. Особенно в испанском магазине с утра. Когда идет слет старичков и старушек на тему «давайте вспомним, что нам надо купить»

Я опять в очереди. Держусь вежливо. Пою мантры. Их земля, их правила.

– Вот еще кроличка мне кусочек.

– Откуда отрезать кусочек?

– Давайте посмотрим.

– Давайте. Вот отличный кролик.

– Ох, он огромен. Он великан.

(Кролик, юный и невинный, природно сухощавой комплекции, недополучивший достаточно материнской любви и молока в детстве, к тому же явно умерший на ферме от истощения и грусти, мог бы насытить разве что анорексичку, вышедшую вчера из комы и поклявшуюся рыдающей маме "поесть немного бульона из молодой крольчатины...)

Оммм...

– А вот этот маленький и красивый, смотрите.

(Блин, я его вообще не вижу. Что она показывает? Труп лысой мыши?)

Оммм...

– Да, он хорош. Давайте половину.

– Вам сверху или снизу?

– Давайте посмотрим.

– Давайте . Вот наш прелестный кролик.

Ом, ом, ом, ом... нам снизу , хи-хи..

– Да. Он такой милый. Мне кажется, его надо перерезать вдоль.

(Вы звери, господа.)

– Отличный выбор! Сейчас я его аккуратненько..

– Он такой маленький, хороший, нежирный. Мне нельзя жирное. Я уже должна думать о здоровье.

– Ох, сеньора такая молодая и изящная! Но здоровье – это очень важно. Вы правы.

Омм... Какая молодая, вы охренели? Да бабульке не меньше 90. И она только начала думать о здоровье? Потрясающая медицина, оказывается, в Испании. Снимаю шляпу. Или все же Альцгеймер, и она просто с утра забывает о болезнях и до вечера счастлива?

Омм... Омм...

– Вот так, сеньоре нравится, как я разрежала кроличка?

Ёб... Оммммммммммммм...

– Да, хорошо, только мне половинку печеночки, мне не съесть целую.

– Конечно, сеньора. Так хорошо?

– Очень хорошо. Теперь порежьте мне моего крольчонка, пожалуйста.

– С удовольствием. Так достаточно?

– Помельче, будьте добры. Мне так удобнее будет готовить.

Твою мать, твою мать, твою омммммммммммммммммммммбл.

– А как сеньора готовит кролика? Это для паэлья?

– Обычно я готовлю его в паэлье, с курицей. Валенсийская паэлья.

– Сеньора кладет розмарин в валенсийскую паэлью?

мать... позже.

Еще помедитирую. В Гугле. Когда буду искать рецепт фрикасе. Потому что я таки тоже купила этого благословенного кролика. Только большого, понимаете? (И заодно дала возможность помедитировать людям , стоящим в очереди за мной).

Как потерять богатую клиентку . Быль

Приходит друг к мужу и говорит как-то:

– Очень уж я на тебя зол. Не будем, наверное, больше общаться.

– Как так? За что это?

– Ты виноват в том, что я клиентку потерял выгодную. Теперь сама не придет, и подругам своим велит не приходиться.

А надо сказать, что друг этот рядом работает с нашей таверной. Ветеринар. Врач. Руки золотые. Умница.

Муж расстроен, не может понять, что случилось.

– А помнишь, как я к тебе в таверну зашел кофе выпить вчера вечером, после работы?

– Помню, мы еще футбол посмотрели немного.

– Посмотрели. И я пива выпил. Два раза, кажется.

– Три. Как и я. Конец работы.

– Это у тебя был конец работы. А меня неожиданно вызвали в клинику: там операция была срочная, а некому было к клиенту выйти. Ну я и пошел. Из таверны в клинику. С тремя пива уже даже не в желудке, а в голове и на языке. Переделся, выхожу к старушке. Может, конечно, она и 80 еще не отпраздновала, но выглядела в аккурат на 89. И собачонку в руках держит. Дряхленькую. Йорка. Такого шелкового, ми-

лого, печального. А я же весь такой вежливый. После пива. Но откровенный очень. И делаю скорбное лицо, спрашиваю:

– Усыплять будем?

Она на меня глазюки вскинула, бриллиантами в ушах за-трясла, да и говорит мне человеческим голосом:

– Мы ...усую... пришли на нашу первую прививочку.

А я веселый. Радостный даже. Говорю, мол, не знаю, были ли в вашей жизни прививки или нет, а песику уже никакие прививки делать нет смысла. Он перед смертью даже насморком не успеет переболеть, так как уже на грани. Уже лапу в Стикс макнул.

Дама мне :

– Что же вы такое говорите! Да я же его вчера купила. На площади. Он маленький еще. Попробуйте, у него даже зубов еще нет. Он щеночек.

А меня ж прет. И пиво, и наши выиграла. Говорю, мол, не извольте сумлеваться, ежели кто б вам в рот руку положил , если коронки снять, так там тоже будет ...Молодо и беззубо. Как у щеночка.

Золото на ней так и зазвенело. От сумки до рук, от рук до шеи, от шеи до ушей.

– Я ж, – говорит, – его за 800 евро купила. Я еще радовалась, что он такой маленький и породистый.

– Вот тут, – говорю, в точку. – Реально маленький и породистый. Видно, что стоил дороже. Но лет так 20 назад.

– А вы не ошибаетесь?– спрашивает.

– Ну, если ошибся, тогда 18 лет назад. Но обычно я не ошибаюсь. Собака уже в возрасте Мафусаила и в размышлении о вечном.

И пошла моя бедолага со своей дряхлой усталой собачкой, сияя брюликами с орех величиной, а я остался, без клиента, собаки и самоуважения. А все потому что у тебя пиво неправильное...

Испанцы и соленая рыба

Испанцы солить рыбу не умеют. Это факт.

То есть, они пытаются, конечно. Столетиями...

Возьмем треску, например. Царская рыба. Пышная. Белая. Как ее испортить? Да никак же!

Ищешь соленую здесь. Янтарную. Полупрозрачную. И? Берешь кусок соли на прилавке, вертишь с разных сторон, а он мягкий и прогибается. Почему?

А там внутри кусочек когда-то сырой рыбы лежит. Трески.

Зачем, спрашивается лежит? А чтобы не пропал. Наверняка.

До Колумба еще моряки придумали в море мясо брать в виде солонины. Холодильников нет. В тепле зачервивеет. И рыбу пойманную как хранить, если она толстая, мясистая? Солнца недостаточно. Соль. Вот спасение. Потом уже и холодильники придумали. А привычка осталась. Сухое соленое мясо – хамон и засыпанная до хруста солью рыба.

Надо сказать, что хамон у них лучше получается. Привыкнешь – так и за деликатес прям. Испанские нотки. Испанский вкус!

А на чердаке в деревенском доме моего деда всю зиму такие хамоны висели. Солониной звали. Только с хлебом не ели под вино да пиво. Бедность. Только для борщей и каш.

Чтоб семью большую накормить. Но то такое... русское.

Свою же соленую-пересоленную треску испанцы вымачивают перед готовкой. Долго. Или вместо соли кусочки соленой рыбы в блюдах используют.

Я не смогла объяснить мужу вкус свежесоленной трески с чесноком, строганинки на свежем хлебушке, а хорошая сырая рыба мне не попадалась. Особенно такая толстая, белая и мясистая, как в Мурманске, где я училась жизни и в педагогическом, отдавая дань советской системе образования и мастерски соля рыбу.

Потому мои эксперименты с солением здесь семги, форели и подкопчением скумбрии приравнивались им, моим мужем, к хождению по воде или исцелению возложением рук.

Брак стал прочен, как никогда. Теперь мы уже вдвоем недоумевали, почему испанцы не умеют солить рыбу.

Но апофеозом испанских мечтаний, эдакой Джомолунгмой, стала наша селедка. Из бочки. В одном русском магазине.

Ее вначале у меня просят. Ритуал. Жалобно повизгивая. Крутя беззащитным хвостом. Переминаясь на толстых лапах. Умильно заглядывая в глаза. Одновременно скорбя от необходимости мечтаний и захлебываясь слюной предвкушения.

Селедка торжественно покупается, чистится споро и радостно. Разрывается на филешечки, режется дольками. Сверху тонкие полумесяцы лучка репчатого, вначале вымо-

чить, горечь слить, потом сбрызнуть уксусом, припорошить сахарком, маслицем полить пахучим подсолнечным. И полчаса настояться.

Все. Бери его, испанца, тепленького, спеленькой куколкой, катай по столу катышком, лепи из него ежиков пластилиновых: спекся.

А вот кому предателей родины, вероотступников и сепаратистов!

За селедку с луком, с горячей картошкой и хлебом отдадим все и доплатим еще. Про пиво не говорила долго. Скрывала. Как тайну берегла. Что сюда не вино надо их испанское, а пиво холодное. Много. И все. Сдалась недавно. Выдала тайну. Пожалела мужика.

И нет в семье теперь деликатеса круче селедки с луком, картошкой и пивом.

Не «подумаешь, эка невидаль», а для неподготовленного испанца просто бомба. Неожиданная и гастрономически непобедимая.

Селедка в нашей семье покупается не часто: тяжело мне видеть большого, сильного мужчину слабым, наркозависимым, униженным. Да и родину чаще раза в неделю продавать не годится...

А вы говорите, хамон, хамон!

Селедка. Наш ответ Чемберлену!

(Сегодня вот как раз день продажи родины и излиятий счастья и любви.) Муж что-то лучезарно строчит в фейсбуке.

Над головой нимб. В зале подозрительно пахнет селедкой..

Мой маньяк

Этот мужчина за мной следит. Это совершенно точно. Я вижу его чаще, чем моего мужа. Я выучила его привычки и внешность.

Нас уже начинают связывать некоторые странные нематримониальные узы.

Как он следит? Я себе представляю это так: с утра пораньше испанский пенсионер Хулио Толку, облачившись в белые шорты и сиреневую рубашку, лопающуюся в районе груди, живота и бедер посредством расхождения пуговиц и даже швов, нервно прогуливается у окна, выходящего на Фридрихштрассезачеркнуто на улицу Арчидуке Карлос. Он смотрит на таверну Эль Капитан. Он волнуется. Его жена, сеньора Хуана Роза Мария Пепита, отрывает глаза от утреннего сериала и спрашивает:

– Что-то случилось, Хулио? Ты так напряжён..

– А хули... что могло случиться? Я напряжён, потому что думаю об обеде.

– Но ещё только время завтрака, дорогой. Не опережай события. Ты будешь кофе с тостадой с оливковым маслом и солью или ты будешь кофе с тостадой и тёртым помидором?

– Я буду чай с русской икрой, блин, достала, 70 лет одно и то же, задрался уже жрать сухари на утро. В Эль Капитане блины дают, торты, пироги, пельмени, уйду нахрен от тебя,

старая гримза.

– Ты сказал, с томатом, Хулио?

– Да, дорогая, все как обычно. Но я бы сбегал в магазин за рыбкой на обед? Сегодня свежую завезут, специально для моей сеньоры.

– Что бы я без тебя делала, мой кабальеро. Иди, любимый, я буду тебя ждать...

И получивший досрочную индульгенцию на все тяжкие, доступные в его преклонном возрасте, кабальеро, скрипя протезом или новыми жмущами ещё мокасинами из кожи питона, увидя меня, бодро шагающую за рыбой с веселой полосатой тележкой, скатывается по лестнице вниз, не дожидаясь лифта.

И. Когда. Я. Подхожу. К рыбному отделу. И беру номерок на очередь. Я. Всегда оказываюсь за ним. За маньяком Хулио в белых шортах и сиреневенькой веселой рубашечке. С мокасинами из кожи питона на жилистых ногах.

Он, приплясывая, делает заказ. Как человек с глубокой детской травмой безосновательного оптимизма, я в очередной раз надеюсь на чудо. Я жду, что он возьмёт какого-нибудь блеклого кальмара и уйдет варить его для своей несравненной Саграрио Дульсинеи Изабеллы Марии. Или робко зацепит сетку с мидиями и, крадучись, скрывая лицо под плащом, вознесется на свой третий этаж, прячась от любопытных соседей и, сберегая честь дамы сердца, тайно прошмыг-

нет в любовное гнёздышко и приготовит мехийонес аль ва-
пор, мидии на пару, для несравненной Инессы Элеоноры Су-
санны Хосемы...

Или ладно, «давай, пират, займись развратом, отбей че-
чётку на гробЕ», да упокоится с миром душа первой же-
ны-праведницы, набери наглых лобстеров, сочных осьмино-
гов, девственных устриц, заверни за бутылочкой Риоха в со-
седний магазинчик и купи лучшего яблочного сидру, а потом
рому до себя и шампанского для нее, великолепной, блиста-
тельной, грешной и соблазнительной Альбы Вероники Кон-
читы Виргинии...

Нет же, хрен. Эта безнравственная сиреневая сущность,
как всегда, придя на одну минуту раньше меня, вначале про-
сит скумбрию. Много. И почистить.

Я опять пою мантру Оммм (она подходит не только для
мясных отделов, но и для рыбных) беззвучно, как печальный
осьминог, изгнанный супругой из уютной пещеры на добычу
пропитания для восемнадцати детей-осьминожек.

Я печалюсь, как он, страдаю, как он, хочу домой, как он.
Я даже выгляжу так же. Как забитый и бесправный круп-
ный осьминог, который не может изменить обстоятельства.
И жду. Потом мой маньяк покупает сардину. Некрупную.
Много. И просит почистить. Я ору мысленно мои бурные
возражения.. И дышу громко и так глубоко, что здорового
увальня продавца то отбрасывает от рыбного прилавка, то
прибывает к нему. У продавца вид выпускника академии для

альтернативно разумных. Действия такие же. Замедленные и растянутые во времени и пространстве.

И, однако, он меня понимает! Он, как бы извиняясь, смотрит на меня и мысленно поет Омम्म тоже.

Потому что знает. Знает, что после сардин Хулио обязательно обсудит достоинства анчоусов. АНЧОУСОВ. МАТЬ. Мать. Мать. Матььььь. И закажет килограмм. И почистить тоже. Анчоусы.

И продавец, создавший километровую уже очередь и чувствуя себя проклинаемым всеми покупателями, медленно и печально чистит анчоусы.

Когда нас построят, например, в очередь на гильотину, конечно, вначале я попытаюсь сбежать. Потому что ненавижу очередь. Любую. Я из СССР, и эта ненависть у меня в крови, так как самое страшное, что я вспоминаю из прошлого, то, что испытала лично я, а не мифические или настоящие родичи-сидельцы или погорельцы или изгнанники – это были очереди.

Но если все же мое избитое осьминожье печальное тельце таки зашвырнут в очередь на ту самую гильотину, я попрошусь сюда. Стать перед Маньяком. И чтоб палачом был этот продавец.

И я еще проживу долгую и не всегда беспросветную жизнь.

Иногда я все же мысленно подбегаю к Хулио, трясу его за лопающиеся пуговицы и кричу:

– Твоя жена бестолковая курица! Она не может дома почистить эту унылую хамсу? Ты держишь очередь больше часа. Ты открываешь занятых людей от работы. Ты крадешь лично моё драгоценное время своей тупой мелкой рыбой. Куда ты ее деваешь в таком количестве? Объясни жене, что есть ещё и другие сорта. Тут есть сёмга, тут прекрасная форель, смотри, блин, какая треска, толстая и красивая, тут даже креветки толще анчоусов. Не жмись, угости свою ленивую жену чем-то другим...

Но я молчу. Вдруг никакой Изабеллы Хуаны Мерседес не существует, и этот мачо три раза в неделю следит за мной, крадётся по следу моей полосатой сумки и выводит меня из себя чисткой крошечных рыбок только для того, чтобы я его заметила и спросила:

– Какого хрена, сеньор?

А он мне:

– Сильвупле, мадам. Порфавор, сеньора! Разрешите представиться. Вдовец Хулио Толку. Счастлив познакомиться...

И все. И тогда не отвяжешься. Потому что мужчина, который заставляет продавцов чистить кильку килограммами, – это страшно.

Он зануднее и упертее меня. Невыносимо. Не отобьюсь ведь ...

И я делаю вид, что не узнаю его. И опять пою мантры.. Три раза в неделю... Четвертый месяц. Я уволюсь из этого

района..

Рюмочка

Сеньора Рюмочку мы знаем уже месяцев пять. Вот сколько работаем, столько и знаем. Он с другом стал заходить прямо со дня открытия ресторана.

Заходил с утра, здоровался и говорил :

– Рюмочку, пожалуйста.

Потом перекидывался парой слов с поваром, задумчиво смотрел в прошлое (это было видно по глазам, потерянные и печальным), пил рюмочку (!) виски, вздыхал, говорил "до скорого" и уходил.

Часа через три появлялся заметно покрасневший, но еще держащийся молодцом, снова здоровался, просил рюмочку, пил ее дольше и торжественнее, немного смотрел телевизор и уходил, обещая вернуться.

Чаще всего Рюмочка заходил и вечером, уже почти никакой, обойдя таким макаром все районные бары, узнавал новости, рассказывал что-то из сегодняшнего, хлопал стопарик и уходил до завтра.

Я думала, что он вообще не ест никогда. Несколько раз предлагала закуску в подарок (ну, может, денег нет у человека), но сеньор Рюмочка всегда вежливо отказывался, и было видно, что реально эту еду он прямо сейчас ненавидит даже...

Щупленький, лет за шестьдесят, со следами былой красо-

ты (такой изящной и немного кукольной даже, как маленький тореодор, спившийся после выхода на пенсию.)

Говорят, что держал ресторан, имел семью. Потерял все, спился. И продолжал оставаться приятным добрым человеком.

А с месяц-два тому элегантная леди, вдовствующая пару лет, живущая по соседству, а заодно заходившая к нам обедать, от скуки разговорилась с Рюмочкой.

И он... пообедал вместе с ней! И потом они пили кофе! С пирожными! А на следующий день он зачесал назад отросшие волосы, надел темные солнечные очки, новую рубаху, скрипящую от стрелочек на рукавах, и пришел завтракать!

Правда, Она пила свой кофе, а Он – свою рюмочку, но они Завтракали Вместе! И они улыбались. И она заливисто смеялась и звенела браслетами (они, испанки, такие браслетные, что та елка, но это неважно)!

А он откидывал назад голову, запуская руку в волосы, взбивал их волной и что-то говорил, говорил. И голос! Какой у него оказался голос! Глубокий, сильный, завораживающий. Влюбленный.

Рюмочка действительно влюбился. Она была старше него, но это же неважно... Она веселая, умная, красивая, уверенная в себе. Кто говорил, что она стерва? В таком возрасте стерв не бывает! Она...

Она его бросила через неделю. Просто сказала, что её раздражает его влюбленный взгляд. Ей не нравится, что он ожи-

дает ее под домом, чтобы гулять вместе. Ей не нравилось, что он хочет встречаться с ней не тогда, когда она даст разрешение, а всегда.

Она убила его. Нашего интеллигентного пьющего Рюмочку. Он почернел и сник. Он приходил под ресторан и ждал ее на завтрак и обед.

Она приходила с подругами и, смеясь, рассказывала всем, что она хочет сохранить с ним дружбу, но он ведь алкоголик. Алкоголик. И он надоедлив. И у него глаза побитой собаки... И вообще она имеет планы на другого мужчину. Он моложе и богат...

Я хотела плакать. Я хотела бежать и давать ему совет прийти с другой женщиной. Наплевать на Нее. Улыбаться. Жить, как хочет. Есть. Пить. И обязательно. Прийти. С другой. Женщиной!

Но муж сказал, что испанцы не поймут и не примут этот совет. Нельзя.

Я уважала Рюмочку и потому не лезла со своим сочувствием и советами... Но я так хотела ему помочь!

Прошел месяц. Другой мужчина, видно, не имел планов на нашу даму... Она одна по-прежнему.

Рюмочка тяжело пережил предательство. Такое ощущение, что его нашли, отогрели, окрылили, одомашнили, а потом бац-и коленом под зад: не такой. На улицу!

Они еще слабо здороваются. Она отворачивается, старается не замечать его. Иногда видятся у нас же. Потому как

постоянные клиенты.

И! Тыдыщ! Вчера он подстригся и резко помолодел!

Сегодня он ...тамтарарам... барабанная дробь! – пришел с другой! Он её привел обедать и посадил напротив бывшей...

Честно скажу, я иногда подглядывала и любовалась лицом нашей ошарашенной, ошеломленной, офигевшей дамы. Это симфония расстроенных инструментов при пьяном дирижере! Это жалобное соло виолы д'аморе на одной струне с валенком вместо смычка! Это немое "Герасим, ЗА ЧТО?" Это первая встреча грешной задницы, обожающей приключения, со сковородкой в аду! Это проворачивание воров неподходящего ключа в замке дома комиссара полиции... С ожиданием сирены, наручников и удара под дых...

И наш Рюмочка, с улыбкой Гагарина, ясной и невинной, подкладывающий салатик для мило щебечущей и ничего не замечающей спутницы...

Мы отомщены!

Ну ладно, не мы, но, клянусь, мне было приятно. Нельзя унижать никого. Особенно тех, кого ты в себя влюбил, кого поманил любовью. "Мы в ответе"... И все такое.

Я идеалистка, конечно. Но это сделало мне сегодня день!

Дидель в Эль Капитане

Когда я жила в общежитии Мурманского пединститута, на нашем маленьком проигрывателе (нашем – это Надюшки Малеевой, обладающей кукольной внешностью и оперным голосом...И кто бы мог подумать, что именно она останется работать учителем до сих пор, а я подамся вначале в психологи, потом на телевидение, а потом вообще в испанскую кулинарию) до дыр заигрывались пластинки с песнями Никитиных, Дольского, Таривердиева, Окуджавы, слова которых мы знали практически наизусть.

Антонов был уже выражен слабее, парой пластинок всего, а Машина Времени пришла позже: вместе с субтильным, но очень тогда крутым кассетничком Романтика.

Из Никитиных чаще мною пелись три песни, они же и врезались в память: «Александра», «Птицелов», «Бричмулла».

Александрой, как я уже тогда знала, я назову свою будущую дочь (но основополагающая роль в этом вопросе была сыграна, конечно, фильмом "Москва слезам не верит"), Бричмулла была для меня чем-то золотисто-недосягаемым, цветами какими-то, облаком или закатом, или деревом типа той же чинары, что такое чинара я тоже себя представляла слабо, и только веселый Дидель был вообще ни к селу, ни к городу, но очень бойкий, маршевый и оптимистичный. Когда в комнате не было моих соседок по курсу (а некоторые из

них пели просто замечательно, та же Надюша, например) я позволяла себе подпевать во все горло, улучшая значительно исполнение Никитиных. Ну я так думала... Что противоречило мнению моих соседок, конечно.

- Золотааааая Бричмулла.. – выводила я яростно, и очень хотела путешествовать тоже.

Прошли годы. Дочь Александра уже выросла. Она лучше, чем я могла мечтать тогда, в юности: реально сильная, умная, красивая и вообще лучшая моя подруга, помощник и защитник.

Про Бричмуллу я забыла. Как и про ослика, арбу и чинару. Но когда в Испании встретила желтые сочные кисло-сладкие ягоды нисперо-мушмулы, сразу почему-то вспомнила Никитиных,

и радостно запела "золотааааая мушмула", твердо уверенная, что нисперо мне предсказали Никитины тоже.

Только недавно выяснила, причем, совершенно случайно, что Бричмулла – поселок в Чимганских горах на границе Узбекистана. Но тогда золотые плоды абрикосо-сливового вкуса соединились у меня с Никитиными, молодостью, романтикой, ощущением свободы и путешествия...

Песня же Птицелов никак не отразилась в моей судьбе до прошлого года. Но когда мы открыла таверну, то одним из первых в нее вошел, влетел, вхромал, вмаршировал Паоло. Паоло – это песня. Даже если вы не умеете петь и поете в душе для себя только, а ваш душ вообще в бункере, который

звукоизолирован. Так вот, в ваш бункер ворвется песня, как Паоло. Или Паоло, как песня. И вы будете жалко отплевываться шампунем, прикрывая причинные места мочалкой и тубиком с краской, булькать, краснеть, но он вас вообще не заметит. Ни разу. Он вбежит, чтобы рассказать о себе. Это безбашенный болтун Паоло...

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

Неугомонный энерджайзеровый Дидель-Паоло-бродяга всегда вбегает, прихрамывая и опираясь на костыль, как бес или, например, смерч, сломавшийся о водонапорную станцию, но ползущий наскаками дальше на поля и равнины и потому ни капли не побежденный.

– Ахтунг! Бон джорно! Привет! Сьюкин синь! Ола! – приветствует вас на всех известных ему языках Паоло, значительно обогативший свой лексикон после знакомства с нами.

– Как дела, красавица? – нет более риторического вопроса в мире, чем этот, обращенный ко мне. Скажу ли я хорошо, плохо, зеленый, так себе, стеариновая свечка, или торт с орехами, – неважно. Паоло обязательно разразится тирадой на тему "сукиныдетивсезашибиськакужасжизньбольвсбросуиуеду".

Он пришел не слушать. Он пришел рассказать.

Потому, взяв бокал пива или вина, Паоло будет трещать,

повествовать, сообщать, доводить до вашего сведения, говорить, петь,

истерить, чирикать, свистеть, кричать, что у него идеальные дети, и он носится с ними как квочка, потому что сукина дочь его жена совсем ни о ком не заботится, что он вынужден покупать дорогие продукты на сотни и тысячи евро, чтобы приготовить суп из омаров для детей или купить самые дорогие креветки, потому что он и его дети достойны только самого лучшего, что жена его не любит, а все хозяйство на нем, что на работе его перестали уважать, что его бывшие подчиненные и приятели и соседи ему больше не наливают и говорят с ним без должного почтения, что он будет отращивать бороду, что он приобретет белый костюм, что он уедет в Париж и купит там корабль, что он скоро полетит в Гималаи.....

Какое на нем хозяйство, кроме его самого, его красного спортивного костюма по будням и два раза в году на праздники бежевой двойки, я не знаю.

И костыль, конечно, бессменной собакой-поводырем. Иногда у меня ощущение, что костылю просто скучно дома, и Паоло его выгуливает. Как друга...

Мы знаем, что он лет 15 назад, в пьяном виде скатившись по лестнице, повредил себе ногу, получил инвалидность и сейчас работает в крошечном киоске, продавая лотерейные билеты.

Если вы расскажете ему о том, что вас не любит муж, он

продаст вам лотерейки.

У вас нет мужа? Купите лотерейки!

Если ваша кошка не может разродиться, вам придется их купить все равно.

Если есть проблемы на работе, то вы должны их купить в первую очередь.

Если у вас нет денег, то лотерейные билеты вам дадут в долг, потому что вы обязательно выиграете потом.

Если у вас все хорошо, тем более вы обязаны купить лотерейки, потому что именно ему, Паоло, в данный момент хреново.

Ибо когда у него не болела нога, он делал прибыли на миллиарды и хулиарды денег, и все, живущие и работающие на этой улице, обнимали его и говорили: «Паоло, друг». И угощали непременно во всех дорогих ресторанах.

И однажды даже он управлял департаментом... То есть, нет, у него когда-то был свой бар, и бар этот давал прибыль по 15 тысяч евро в месяц. Нет. В день. И мог бы давать еще больше, но ему просто уже не хотелось работать, он зверски устал работать, и последний год он имел больничный, потому что специально кричал, как от боли, наступая на ногу, и врачи дали ему освобождение от работы.

У него была боль, но она была душевной. У него депрессия. Да!

Он не работал почти год и получал зарплату, а с сентября эти сьюкины дети обязали его опять выйти на работу и си-

деть в будочке и продавать лотерейные билеты, а он устал по жизни, и его окружают подлые люди, которые его не ценят и не понимают...

Лотерейные билеты, которые он продает, имея зарплату и процент от проданного – это сейчас смысл его жизни, если не считать вываливание в дерьме всех, кто в данную минуту не находится рядом.

– О, как я был красив в юности! – стонет Паоло. – Ко мне прибежали девочки и воровали меня у родителей. Они лазили ко мне в окна, потому что хотели провести со мной ночь. Вот помню, была у меня француженка. Она пахла фиалками. Она прижимала меня к груди и кричала: «Паолин, мон амур, не оставляй меня! – Да! И кто сейчас рядом со мной? Я сильный и сексуальный мужик, я годы уже без секса, меня здесь не хотят, не любят, я обязательно уеду во Францию, забрав с собой детей и открыв бар на корабле... И я найду мою фиалковую француженку!

Фантазии заводили Паоло далеко-далеко, он на время забывал критиковать своих близких и друзей, но потом снова очень быстро возвращался к этому занятию.

– Я же с юга, понимаешь, кариньо, дорогая? Мы, южные мужчины, красивые, сексуальны, щедры и независимы.

– Жалкие валенсийцы, мелкие людишки, они жадные, они холодные, они не умеют любить и не угощают в ресторанах...

Валенсийцы, которое это слушали, мрачнели, отворачивались и уходили. Это не смущало Паоло, и он, прижав к

стойке бара очередную жертву, щебетал:

– Ты должен меня послушать. Я тебе расскажу. Жизнь – дерьмо. Она уныла и бессмысленна. Я повешусь, наверное. И все будут плакать и говорить: «Какого человека потеряла Валенсия, какого человека потерял мир!»»

– Мир, кстати, отстой. Я уже говорил? Да? У меня депрессия. Сядь со мной. Тебе надо работать? К черту работу. Давай говорить.

Говорить с Паоло – это слушать Паоло, который, подозреваю, в состоянии депрессивной стадии своего психоза был готов отравить существование всему миру.

И начинал он это делать с улицы Арчедукке Карлос, где находится наша таверна. И это каждый день. Каждый день на нас обрушивался шквал проклятий в адрес города и его обитателей, где среди арены с навозом стоял одинокий тореадор в белом костюме с золотыми позументами, Валенсийский Зорро за белым роялем, Могучий викинг Белый Лось-Большие рога, вождь краснокожих Белое Перо в белых мокасинах, Бледный Рыцарь в серебряных латах. Он, великий и печальный, светлый Паоло...

Каждый день мы боролись с его и уже нашей депрессией, которая заразна... Через полгода я научилась видеть его реже. Заметив, что муж тайком покупает у него проигрышные (других у Паоло просто нет!) лотерейные билеты, лишь бы тот отстал и пошел дальше, я попросила объяснить товарищу Диделю, что у русских есть обычай покупать лотерею только

по пятницам. И если билеты ничего не выигрывают, то продавец через пару месяцев забивается насмерть. Деревянной экологической скалкой.

Паоло поверил, потому что вид у меня обычно не только большой, но и грозный. А у повара Пепе постоянно больная рука. Вопрос о скалке как бы даже сам и напрашивался... Паоло стал забегать только по пятницам.

И один раз в две недели билеты удивительным образом стали выигрывать 2 евро, то есть окупать себя. Потери были сведены к минимуму. Негатива стало меньше, мы вздохнули облегченно.

Совсем хорошо стало, когда директор банка, заходивший отдохнуть после трудового дня, в очередную пятницу нарвался на Паоло и на вежливый свой вопрос "как дела" получил такую оперную арию часа на два о бренности земного существования, подлости валенсийцев, жадности испанцев, семейных дрызгах, суках китайцах в соседнем ресторанчике, которые продали ему отвратительное пойло под видом кофе, теще с тестем, которые у него отстойные, бывших друзей и теперешних врачах, не дающих очередной больничный, с указанием, что они козлы и "свинячье дерьмо", что обычно флегматичный испанец вдруг взорвался.

Он дрожащим от гнева голосом сказал, что Паоло надо работать на фабрике сыров, чтобы экономить полезные бактерии и сычужную сыворотку, что от него молоко свернется само собой, без добавок, что его лично уже тошнит от Пао-

ловой депрессии, и его ненавидит весь район, что никто не хочет находиться с ним рядом, чтобы не набраться тоскливых блох, и он реально задрал всех своим нытьем.

Директор вышел, Паоло застыл. Застыла его рука, поднятая с бокалом пива. Застыло пиво в бокале. Застыла пена на пиве. Костыль, и тот застыл без опоры, прикинувшись от стыда пальмой. Паоло посмотрел вокруг и спросил:

– Это правда? Я всегда в депрессии?

Более счастливых лиц посетителей я не видела очень давно.

– Да, прикинь.

– Клянусь, друг, это правда.

– Да, Паоло, меня тошнит от твоих рассказов.

– Ух ты, здорово, я все тебе стеснялся сказать, что ты козел,

Паоло.

– Ты заколебал в натуре всех оскорблять, бро.

Паоло выполз из бара, волоча две ноги сразу. Костыль плелся за ним своим ходом ...

Трудно дело птицелова:

Заучи повадки птичьи,

Помни время перелетов,

Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,

Под заборами ночуя,

Дидель весел, Дидель может

Песни петь и птиц ловить.

Через неделю, в пятницу, в бар влетел, втанцевал Дидель Паоло.

–Ахтунг, бон джорно, сююкинъ синь, хенде хох, ола, как дела, буэнос диас!

– Как дела, Паоло?

– Ха, я бодр, молод, свеж, красив, я полон сил и энергии, я веду сюда моих друзей, чтобы выпить вина и поговорить о том, как прекрасна жизнь!

Пендель оказался действенным. Я рада... Хотя подозреваю, что за любой депрессивной стадией обычно следует маниакальная, радостная и восторженная, а потом они меняются местами...

Но это просто жизнь. И просто люди. Какая разница..

И мы готовы к сюрпризам. Привет Никитиным. Теперь я знаю, как выглядит Дидель – прицелов в реале.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.
По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

Судак – орли. (Мемуарное)

Мои глаза щурятся и от тайной власти над тобой, и от гастрономического восторга.

Твои – от сладкого предчувствия, возможности дорожно-го романчика и, надеюсь все же, неподдельного интереса к девчонке.

Авантюра. Мастерство. Кокетство. Флирт длиною в жизнь.

Тарелки тонкого фарфора, приготовленные администрацией железной дороги, наверное, для работников обкомов партии, выезжающих к морю (думать о судьбах родины под пальмами)...

Якобы небрежная ароматная пирамидка из золотых ломтиков рыбки, с выверенным равновесием относительно многообещающего заката, вечно спешащих часов на моей руке и твоего опытного взгляда, прикрытого показным уважением и спокойствием зрелого, уверенного в себе мужчины...

Мои кокетливо вытянутые длинные ноги в летних плетеных босоножках на огромных каблуках...

Вспененная хрустящая корочка поджаренного кляра, под которой таится ломтик нежнейшей белой мякоти с ароматом лимона и петрушки.

Белоснежная льняная салфетка на еще худой и еще незагорелой коленке. Бокал шардоне в запотевшем бокале.

Рука слегка дрожит. Вдруг держу неправильно?

Игра продолжается. Наверное, впервые сухое вино в сочетании с красиво и вкусно приготовленной рыбой не кажется тебе кислым. Оно пахнет виноградом, солнцем, авантюрой и ... полетом над пропастью.

Ты любишь гулять по краю, и тебе все сходит с рук в силу твоей молодости, наивности, какой-то наглой беспечности и наличия опытного Ангела-Хранителя...

С этим блюдом, судак-орли, я познакомилась в далеком 85-м году, в поезде Мурманск- Симферополь...

Было мне лет 20, и везла я, как старшая пионервожатая, мурманских детей в пионерский лагерь на море. На одну северную смену, протяженностью в 66 дней...

Уже четыре месяца как я была дамой замужней, совершенно счастливой, с сияющей обручалкой на безымянном пальце, на которую нет-нет, да и бросала довольный взгляд.

Муж остался на практике в мореходке до середины лета, а мой лагерь выехал в первых числах июня.

Поезд должен был колбаситься в дороге дня три, для хорошей компании я взяла лучшую подругу воспитателем в 3 отряд; продукты для нас, любимых, были заготовлены с любовью и щедростью, дорога и волки не пугали.

Естественно, есть в вагон-ресторан я не ходила. А у детей было трехразовое горячее питание в ресторане, куда их дрожащей змейкой, качающейся в тамбурах, водили воспитатели, плюс полдник на полках, - полный восторг для малышей

и подростков.

На второй день пути в мой вагон пришел, нет, влетел и ворвался, двухметровый красавец шеф-повар, он же директор вагона-ресторана. Он же потрясный мэн (словечко из мурманского лексикона) в фирме, джинсе и в том благородно-шикарном возрасте, когда мужчина продолжает нравиться своим сверстницам и уже начинает нравиться юным девушкам, годящимся ему в дочери. (В мое дореволюционное время красивые девочки за толстобрюхих денежных папиков еще замуж не выходили, тогда это было как минимум, немодно и стыдно).

Влетел возмущенный. Удивленный. Негодующий. Почему старшая вожатая пионерского лагеря на 700 (на минуточку!) детей игнорирует его гениальную стряпню?

Старшая вожатая, на тот момент худая, красивая и голенастая, сидела с великолепным куском булки с изюмом в зубах и яблоком в руке и вежливо объяснила, что столовское не ест, и вообще она следит за фигурой и здоровьем.

Тогда, можете поверить, мне еще было за чем следить, и шеф в этом легко мог убедиться, глянув на короткое ситцевое платье в белых ромашках по желтому полю и ...попав под мой танк веселой лжи и самоуверенности.

А надо сказать, что замуж я вышла за хорошего мальчика, по любви и наперекор его родителям, потому чувствовала себя королевой, не считая того, что в нашем детском поезде я имела самую что ни на есть высокую начальническую

должность.

Мне подчинялись все, включая техперсонал, вожатых и воспитателей, а я была на диво скромна, толерантна и тиха, если меня не трогать.. Но не для двухметровых красавцев. С ними я обычно показывала зубы. В улыбке. В уверенной улыбке. Счастливое время...

Шеф-повар ошалел от моей наглости и спросил, почему я назвала его вагон-ресторан столовкой.

– Потому что дети и взрослые говорят, что у вас невкусно, – улыбнулась я еще шире.

Он начал сбивчиво рассказывать, как мало денег выделила организация, отправляющая детей на море, на питание в ресторане, как его бригада старается сделать все, что в их силах, как у них даже что-то и получается...

Я сказала, что калькуляция мне неинтересна, каждый останется при своем, и есть я все равно не буду. Дотерплю до пионерлагеря.

– А хотите, я вам приготовлю судака-орли? – спросил он.

Черт, наверное, знающий все будущие перипетии моей судьбы, включая тысячи гостей в доме и открытие таверны в Валенсии после моих 50 лет, на закате молодости, двинул меня в бок.

– Это поезд подскочил на стрелке, – подумала я.

С другой стороны толкнуло любопытство.

Опять стрелка.

– Светка, а ты хочешь поесть судака-орли? – спросила я

у верной, проверенной, замечательной подруги, вначале соседки по общежитию, по комнате, потом по школе и по жизни (но многое из этого еще в будущем).

– Ах божечки, да умеют ли здесь готовить хорошего судачка -орли? – засомневалась Светка, которая, как и я, только что впервые услышала это слово.

Как вы понимаете, после этого шеф просто обязан был нас пригласить на романтический ужин в вагон-ресторан, дабы блеснуть своими кулинарными талантами.

Тогда я поняла, что помимо ума в мужчинах мне очень нравится этот самый талант.. Но будущее было далеко и туманно, как и испанский муж-повар, и на знаки судьбы я внимания не обратила...

Это была великолепная рыба с прекрасной подачей, сервировкой, вином, мужчиной и разговорами. Тогда, в 85-м году, человек рассказывал, как он мечтает открыть свой ресторан в Ленинграде (бригада была ленинградская, шабашила летом в поездах, а в течение года работала в ресторанах северной столицы), если разрешат иметь частную собственность, типа как при НЭПе

Мы беседовали о политике, о семье, о городах, где побывали, о планах на будущее. Я пообещала зайти в его частный ресторан, когда он его откроет, а он пообещал накормить меня волшебными, сказочными блюдами, которые я еще не ела никогда в жизни. Потому что он бог от кулинарии.

Бог был чертовски обаятелен и мне понравился. Как и

его ужин. Отличная история получилась. Красивый ужин. И совершенно дружеская беседа взрослых людей, ценящих юмор, вино и хорошую кухню.

И если бы... если бы он не начал рассказывать, что с женой у него отношения совершенно сложные, а в Симферополе у них будет пересменка два дня, и можно было бы с его друзьями поехать на шашлыки, а начать думать об этом можно уже сейчас в его купе, так бы мы и расстались с хорошими добрыми воспоминаниями и вагонным веселым флиртом за бокалом шардоне. «Испортил песню, дурак»...

Светка злорадно хрюкнула, когда старшая вожатая по-королевски выпрямила спину, улыбнулась отстраненно и непонимающе, сказала, что шашлыки мы тоже любим очень, но на нас королевство, лагерь на 700 человек, неопытный директор со смешной фамилией Свинаренко, ждущий нас на вокзале...

И мы благодарны очень за рыбу и прекрасно проведенное время. И мы желаем ему открыть свой ресторан. И начать сейчас в купе как раз об этом думать. Как и о причинах непонимания в семье.

Потом мы почистили новое обручальное кольцо белой льняной салфеткой, промокнули в нее немного розовой помады – на память. И ушли.

А рецепт судака-орли остался!

Я его честно получила. В обмен на улыбки, тайну, надежды, флирт и отличную беседу одной юной девочки и неглу-

пого мужчины, который очень спешил...

И потом каждый год минимум один раз я обязательно готовила судака орли. Треску орли. Семгу орли. Потому что Орли – это не только город и аэропорт во Франции.

Это просто обжарка брусочков рыбы во фритюре. Волшебное блюдо, вызывающее воспоминания, навевающее мечты и объединяющее компании. Шардоне не обязательно. Здесь в Валенсии мне нравится с ним Марина Альта или Халонское белое ... из сорта шардоне таки.

Конечно, историю блюда можно высосать из пальца или из кувшина вина, как это сделали те, кто сказал, что рыба названа в честь сподвижника гетмана Украины И. С. Мазепы (1644-1709) Филипп Орлика (1672-1742), который, "оказавшись в свое время во Франции, открыл близ Парижа харчевню. Любимым блюдом французов стал тогда судак, которого, предварительно покрывая специальным тестом, жарили во фритюре. Местные жители любовно называли его в честь Орлика «судак-орли». Любопытно, что из Парижа это блюдо перекочевало обратно на родину в дорогие рестораны Санкт-Петербурга и Москвы под таким же названием, которое сохранилось и по сей день."

Видите? Как легко сочинить историю? Нелепую и сомнительную? А моя же есть чистая правда, и вот вам в доказательство рецепт.

Берем филе семги (любая рыба, лучше жирная, а если сухая, то в маринад положите дополнительно ложку сливоч-

ного масла) нарезаем брусочками с мизинец длиной и толщиной, кладем пару ложек майонеза(мне в поезде подавали с ним, но его из рецепта легко исключить), солим чуть-чуть, как звездной пылью припорошиваем, черным молотым перцем припыливаем, сбрызгиваем щедро лимонным соком, резаную петрушку добавляем и даем подмариноваться с полчаса.

Делаем кляр.

1 чашка муки;

1/3 ч.л. соли;

1/3 ч.л. сахара;

1 ч.л. сливочного масла;

1/2 чашки кипятка, минут через пять после закипания;

1 ст.л. оливкового масла;

2 желтка;

2 белка, хорошо взбитые. (я делаю на глаз, от количества рыбы зависит)

Раскаляем масло на 3 пальца на сковороде, или во фритюрнице.

При помощи длинной деревянной шпажки накальваем филе, окунаем в кляр, и жарим в кипящем масле до румяно-золотистого цвета

Обжаренные кусочки рыбы выкладываем на блюдо, покрытое бумажными салфетками, сушим масло, убираем лишний жир.

Подаем с соусом Тартар: легкий майонез взбиваем с олив-

ками зелеными или каперсами, и несколько штук просто мелко режем и добавляем в готовый уже соус. Мне каперсы кажутся здесь немного ядовитыми для нежной рыбы, и я добавляю или оливки, или соленые огурцы. На гарнир – пучки петрушки, тоже обжаренной в этом же кляре.

Не забудьте про вино!

Лучше идет с двухметровыми интересными мужчинами в самом расцвете сил, но это уж кому как повезет.

Мне повезло когда-то. Рецепт длиной в жизнь. Странное и яркое воспоминание, спавшее в моей памяти до тех пор, пока пару дней назад не приготовили мы в таверне семгу-орли и не заспорили, что лучше добавлять в соус...

Леонид. Его звали Леонид. Да. Больше ничего не помню. Прошло много лет.

На перроне меня встречал милый, добрый и беззащитный начальник лагеря, еще не представляющий, как тяжело сложится наша с ним работа. Он был с букетом. Один из самых огромных розовых букетов в моей жизни.

Нам не дано предугадать... Я запомнила и это тоже.

И я, в новом розовом сарафане с васильками и коло-кольчиками, такая уверенная в себе, молодая и красивая, выдав на руки встречающим мужчинам чемоданы и окунув голову в букет, краем глаза, краем! – но видела! – шеф-повара, стоящего на подножке вагона-ресторана, грустно глядящего вслед уходящему шумному лагерю.

Приятно, черт возьми. Было. И немножко грустно. Кусо-

чек чужой жизни и чужой судьбы. Один ужин. Только взгляды. Смех. Флирт. Ни к чему не обязывающие отношения, разговоры, мечты.

Вечно спешащие часы на левой руке. Кольцо на правой, чертово кольцо, которое через 22 года заберет уже бывший муж, бывший светлый хороший мальчик, чтобы не забывать о нашем «идеальном» браке. Или, может, просто от жадности. Но это уже неважно.

А мне останется мой судак-орли. И мои черно-белые фотографии в сарафане с васильками и колокольчиками.

Капурчик и дядя Миша

Рядом с нашей таверной есть frutería, фруктовая лавка. Овощи, ягоды, фрукты, грибы, зелень. Хозяин – молодой пакистанец. Симпатичный, как из рода болливудских Капуров, только очень маленький, миниатюрный, Капурчик такой, очень милый.

Держать здесь фруктовые лавки – прерогатива в основном пакистанцев. Овощи гораздо дешевле, чем в супермаркетах или в испанских лавках.

А вот открывать магазинчики дешевой одежды или дребедени из 1000 мелочей, или бары – дело чести китайской братвы. И она, реальная эта братва, преуспевает.

Так вот, молодой пакистанец Капурчик приходит на работу каждый день, без выходных и праздников, без сиест и каникул, без больничных и депрессивных дней. С улыбкой, расспросами о жизни всех своих клиентов. Приходит на работу раньше нас, часов в 8, и выкладывает товар на улице. Уходит часов в 10 вечера. И так каждый день. Без отдыха.

Лавка его. Он хозяин, он работник, продавец, грузчик, закупщик, уборщик. Всегда спокоен и доброжелателен, даже когда дождь, ветер и нет ни одного человека на улице и в его магазине.

Каждый день захожу к нему за свежей зеленью, за луком и иногда за фруктами, когда нет времени ехать на рынок.

А недавно с другой стороны нашей улицы открылась другая фруктовая лавка. Ее хозяин, пожилой полный пакистанец напомнил моей дочери нашего знакомого из Грузии, Малхаза. Даня его звала дядя Миша, следовательно, этого мы назвали так же.

Вот дядя Миша этот резко взялся за раскрутку своего магазинчика. У кого-то перец по 2 евро, у него 1.50. У всех клубника еще по 5 была, у него 2. Авокадо только-только с 4 евро до 3 опустились в сезон, а у него уже 2 давно.

Батат сладкий, который в запекании просто великолепен (для тех, кто может оценить мягкую сливочность тыквенного вкуса с ноткой морковной свежести и теплотой печеной картошки) по 75 центов вместо 2-3 евро.

Я женщина слабая. В смысле на деньги. Тяжелое наследие советской эпохи. Деревянные кубики. Железная обезьянка. Прыгающий кролик с фанфарами... Красное пальто с лисьим воротником, подаренное тетей в выпускном классе и последующая депрессия после того, как мы столкнулись взглядами с покойной лисой..

А тут еще и эта жизнь, и испанские налоги вкупе с моей излишней честностью сделали меня бережливой. Или экономной. Не хотела говорить слово прижимистой, но оно уже само написалось...

И я изменила Капурчику. Перестала заходить к нему каждый день. Иногда пробегаю мимо, здороваюсь, а он выскакивает из магазина, пытается улыбнуться, маленький такой,

юный, печальный, а нос – как у того щенка с известной фотографии, когда он стоит у двери, смотрит на тебя печально и говорит: «Там, куда ты идешь, у тебя есть другая собака?» Большой и трагический такой индийский нос. И в глазах написано :

– У тебя там другой пакистанец?

А там дядя Миша. Блин. А у него рекламная акция. И продукты гораздо дешевле. И я как та обезьяна – не разорваться между умными и красивыми, к которым добавились экономные.

Через неделю моих побегов на сторону нашла компромисс: стала заходить к Капурчику за фруктами. Но собака с носом не дремлет. Ее вопрошающий взгляд как бы интересуется мрачно:

– А где ты покупаешь овощи? А зелень?

Эта собака еще не знает, что возле моего дома есть третья знакомая мне пакистанская лавка, где я покупаю фрукты на воскресенье для семьи. И хозяин там – вылитый Ваня Ургант. Клянусь! Только маленький тоже. Карманный такой. И мы с ним уже так сроднились за 4 года совместных покупок, что он мне показывает фотографии своих 3 детей и рассказывает, как лучше вести бизнес в нашем районе. А я у него беру большие партии ягод на варенье. По очень специальной цене. Как от Урганта.

Вся наша жизнь состоит не только из дел, забот, любви и дружбы, но из предательства, измен и компромиссов...

Шутки дедушки Антонио

Антонио, владелец нашей таверны, 90-летний Гобсек, сегодня франтом заявился: поверх сине-белой полосатой рубашки – жилетка коричневая теплая с начесом, поверх жилетки – пиджак синий моего возраста, поверх пиджака – куртка болоневая зеленая, всего в двух местах белой ниткой зашита.

Ботинки на ногах старые, но теплые, а вот брюки себе не изменили: антикварный товар, под мышками где-то перехваченный то ли веревкой, то ли растрепавшимся от времени ремнем. Венчает композицию зеленая фетровая шляпа с цветком. Ну чем ни франт? Хоть под венец веди!

Заказал порцию супа с говядиной, но попросил положить в пластиковый контейнер две, чтобы еще и на ужин хватило. Берет 3 монетки, стучит дочери в ладошку:

– Тук-тук-тук! Все? Я тебе заплатил? – и прячет деньги в карман. Потом смеется и платит. А то бывало, положит две монеты и ждет: попросят третью или нет? И каждый раз что-то придумает, чтобы показать, как ему жалко с деньгами расставаться.

Мы зовем его Плотником, потому что вначале познакомились с его сыном Иисусом и решили, что папа должен быть обязательно плотником Иосифом. Потом поняли, что уместнее было бы звать Гобсеком, но Плотник уже прижился.

– Привет, Антонио! Как дела?

– Вот, я здесь, дела помаленьку идут, все без изменений.

– Удачи тебе, Антонио!

– Пойду себе. До завтра...

А сегодня пришел, оперся на палочку и начал вдруг рассказывать, как дела. Да в подробностях. Монолог. Кого-то вспоминал, над кем-то смеялся... минут так на 15... Никто ничего не понял, даже муж, его соотечественник. Но неудобно сидеть, когда старик завис над тобой, пусть и в твой законный перерыв...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.